

Ватага наша была большая и дружная -- человек десять и все почти одних лет старшему, нашему славному ватажному Багали, было десять лет, самым маленьким -- мне и моему другу Бабаю -- по 7 лет.

Веселой и страшной жизнью жила ватага. Как только скот, после утренней дойки, покидал хотон, направляясь на западное пастбище, каждый из нас гнал своих телят на восточное пастбище и там; после сбора, начинался день нашей ватаги. Прогнав телят за „ефову гору“, мы останавливались здесь и долго дразнили ежа ширля палками и прилушывались к его сердитому шкхтению. Отсюда шли проверять свои вчерашние силки на жаворонков. Счастлив и горд был тот, в чьи силки из конских хвостовых волос попадался жаворонок, севший на ночь в свое гнездо, сделанное в земле у корня ковыльного пучка. Потом шли под красный яр -- ловить цеглов.

Солнце за это время успевало подойти к обеду и начинало печь наши непокрытые головы, а потому мы вдруг снимались, в перегонки пускались к пруду и, сняв на бегу белье, бултыкались в воду прямо с яра. Тут одновременно с купаньем, шла ручная ловля раков. Час купанья и ведро раков для компании было готово.

С этой добычей мы возвращались в хотон и на чьей-нибудь гарпушке варили с жадностью проголодавшихся здоровых детей, уничтожали с большими порциями этого, экономического хлеба. После раков шли по кибиткам, чтобы прибавить к нему еще сметаны или жумыса.

После обеда, по уславленному крику наиболее беспокойных товарищей, слышавших ватагу пронзительным криком „бу-у-у, бу-у-у!“ все сходились на „тачек“ -- гладкую площадку посредине хотона, на которой часа два длилось ожесточенное стягивание в гайданчики, составлявших наше богатство. Когда половина проигрывала другим дневную порцию гайданчиков, оставляли это азартное занятие и приходили к самому главному номеру дня -- шли в наступление на воронье гнездо, что было свито в гуще камышей в пруду, пониже гребли.

В это лето там свито гнездо особенно злые вороны и наше наступление, во уже месяц, каждый день кончалось нашим поражением и победой ворон. Каждый день под водительством нашего ватажного Багали, с криком -- ура! -- шли мы в стремительную атаку на гнездо, ломая и топчая камыши, но как только вороны со злыми намерениями бросались на нас и начинали чуть-чуть не клевать нам головы, всегда кто-нибудь издавал испуганный крик: „а-а!“ и вся ватага обращалась в паническое бегство, преследуемая обнаглевшими воронами. Напрасны были в эти минуты угрозы и крики ватажного; никто из нас до самого хотона не останавливался.

Собрав и успокоив нас, воодушевив как следует и соблазнив престестами в ронных яиц, снова и снова водил нас в атаку наш ватажный, но результат получался один и тот-же -- мы неизменно были разогнаны воронами.

И, вот, однажды, случилось событие. Был жаркий полдень. Все взрослые в хотоне, закрыв верхние отверстия и двери в кибитах, сделав этим полутемноту, и отползти по бокам кибиток, создав этим легкий, приятный сквозняк, спали. Ватага наша тоже не была в форме. Мы с Бабаем играли в тени нашей кибитки в чак, когда к нам подошел наш ватажный Багали, подошел и начал и начал...

Выходило, что мы двое только смелые, и резвые, и хорошие и что, если вместе пойдем на воронье гнездо, можем победить и вороньи яйца достать. Говорил так долго и так хорошо, что мы с Бабаем тут же согласились пойти с ним в стремительную атаку на гнездо. Ватажный нас повел. Вооружив нас двумя толстыми камышинами и расписав план наступления:

— Вы оба, держась близко друг от друга, смело идите в камыши, в самую гущу самых гнезд злых воронов, а я стану на яру и командами: „налево взять, направо взять, прямо идите!“ -- буду давать вам направление на гнездо (оно было в центре яра), и в то же время буду вас защищать от нападения ворон, которых буду гонять, кидая в них комьями земли с яра. На современном языке роль Багали могла бы звучать так: „в руководстве извне и защита во-вне“. Когда дойдете до гнезда

ударьте камышом сидящую на нем ворону и берите не меньше трех яиц – всем нам по одному. Достанем яйца – просльвем богатырями и много, много цыплят спасем от вороньих когтей. Тогда все будут нам завидовать и вы будете моими близкими помощниками в ватаге.

Дело в том, что мы с Бабаем были самые скромные и тихие в отряде и такое внимание и похвала нашего старшего взбудоражила нас и мы смело пошли на дело, на которое не могли идти всем десятком.

Сперва все шло хорошо. Ватага нам давал направление; мы слушались; над нами, как всегда вились обозленные вороны; мы махали камышинками, кричали на них; Ватага время от времени пускал в них комья земли и поддерживал нас. Идем и идем. Сердце трепещет от страха и волнения, что делаем такой подвиг. Наконец, видим недалеко впереди гнездо и на нем большую черную ворону с красными злыми глазами и раскрытым страшным клювом. Сжав сильнее камышинку, криком подавляя страх в себе, я ринулся на гнездо, за мной и Бабай, даже за руки взялись, чтобы победить или вместе умереть и вдруг, слышим крик нашего ватажного: „направо, направо, не туда!“ „Мы видим!“ – кричим ему, продолжая наступать. „Назад!...назад! нельзя! погибнете! назад!“ – закричал вдруг ватажный и смолк.

–Вперед! чего там назад, уже поздно назад, – кричит мне Бабай и мы еще решительно двинулись вперед. Дойдя, по пояс в воде, до самого гнезда хватили мы одновременно ворону по голове и заставили ее подняться. Одновременно запустили мы руки и схватили по яйцу, но вороха успела в это время клюнуть одного по руке до крови, а другого царапнуть ногтями и тоже до крови, но мы яиц обратно не упустили. Обратное отступление с яйцами прошло спокойнее и мы, легко отражая яростные нападения вороньей пары, благополучно выбрались из камышей, поднялись торжествующие на ярк нашему ватажному и тут только взяли нас страх...

Оказывается, наш ватажный, бросив нас в камышах на с'едение злым воронам, сверкая пятками, во всю удирал в коток и был уже так далеко от нас, что не мог слышать наших криков. Молча взглянули мы с Бабаем друг на друга...

НАМЧА УЛАНОВА.

х х

х

Мы крепкие духом и сильные телом,
Мы веров в правду живем.
Идем за отчину мы прямо и смело,
В борьбе за нее мы с улыбкой умрем.

Довольно беспечья, довольно безделья
Мы веруем в силу народной души
И знаем, что будут порывы, стремленья,
Чтобы выйти из этой духовной глуши.

Должны мы работать, отдать свои силы
Для родины нашей, страдающей „там“
За все оскорбленья, за все то, что было
Должны отплатить мы жестоким врагам.
